

Как говорить с ребенком об усыновлении?

Что бы Вы ответили на вопросы детей?

- Так ты мне не настоящая мама?
- А почему мама от меня отказалась? (Не захотела воспитывать, не хотела, чтобы я жил с ней, отдала в детский дом?)
- Меня отдали, потому что я плохой?
- Вы тоже меня отдадите?
- А почему вы меня взяли?

Можно привести примеры из этой беседы:

К.: Алла, скажите, пожалуйста, нужно ли сохранять тайну усыновления?

Алла: Я придерживаюсь той точки зрения, что каждый решает для себя и за себя. Что касается меня, то я сторонник не сохранения тайны усыновления, и открытого разговора с детьми о том, что они усыновлённые.

К.: Некоторые усыновители утверждают, что, открыв ребенку правду о его происхождении, они нанесут ему психологическую травму. Как рассказать ребёнку о его прошлом, чтобы не причинить ему вред?

Алла: Вред наносится ребёнку, если он вдруг неожиданно, к примеру, в подростковом возрасте, узнаёт скрытую от него правду. Это страшная психологическая травма. Но если ребёнок с самого начала знает, что он усыновлённый, то для него это обычный факт биографии, такой же, как адрес, по которому он живёт, школа, детский сад и прочая окружающая его действительность. Потому, что ребёнок склонен воспринимать вещи, какими они есть. Взрослые воспринимают это иначе - накручивают собственный жизненный опыт, собственное представление. Поэтому считают, что для ребёнка рассказ о его прошлом может быть травмой. Но если ребёнок маленький, и с самого начала, то есть с момента, когда у него возникает вопросы - Как и откуда, берутся дети? Что такое семья? Кто такие мама, папа? И как это вообще всё происходит в мире? - получает чёткое представление о том, кто он такой, каково его место в семье, то для него это просто данность.

У меня со старшим ребёнком первый разговор получился, когда ему было года три. Он увидел на улице беременную женщину и спросил меня: «Действительно ли у тети в животе ребёнок?» Я сказала: «Да, действительно». «А я тоже был у тебя в животе?» «Нет, ты у меня в животе не был, ты был в животе у другой тётки». На тот момент этой информации оказалась достаточной. Через какое-то время он снова задал вопрос: «А почему я был в животе у другой тётки, а не у тебя?» Я рассказала ему, что у меня не получается самой иметь детей, самой их вынашивать, но при этом я очень хотела иметь ребёнка. Бывают обстоятельства, когда человек может родить ребёнка, но по каким-то причинам не может его воспитывать, а есть люди, которые хотят иметь детей, но не могут их родить. И тогда получается, что эти дети попадают к таким людям.

Когда он пошел в детский сад, он опять меня спросил: «А где я жил?» Я ему сказала, что есть такое место, называется Дом ребёнка. «Там живут дети, которые

ждут своих родителей. Дом ребенка - это примерно так же, как детский сад, только для очень маленьких». И дальше постепенно по мере взросления ребёнка к этим вопросам прибавляются другие более осмысленные. «Почему, так получилось, что женщина, которая меня родила, то есть кровная мама не смогла меня воспитывать?» На это тоже у меня были совершенно честные ответы: «Бывают разные жизненные обстоятельства - у людей нет жилья, нет денег, нет работы или просто человек не готов к тому, чтобы воспитывать ребёнка. Он принимает решение родить ребёнка, а потом понимает, что он не справляется». И ребёнок, когда он слышит эти честные, подходящие по его возрасту ответы, он вполне ими удовлетворяется. И самое главное, что не остаётся недоговорённостей. Конечно, не нужно пускаться в какие-то очень длительные красноречивые объяснения, не нужно давать ребёнку больше информации, чем он запрашивал. Есть чётко поставленные вопросы, на них должен быть чётко поставленный ответ.

Не нужно специальных разговоров: «Давай мы с тобой сейчас поговорим на очень важную тему. Сейчас я расскажу тебе о твоём происхождении». Ничего подобного! Вопрос от ребёнка и конкретный ответ от взрослого. Конечно, у нас были моменты не очень приятные для меня. Например, когда мой 6-летний сын подошёл ко мне и сказал: «Ты знаешь, ты моя не настоящая мама. Потому что ты меня не родила. Вот Марину мама родила, она ей мама, а ты меня не рожала». Согласитесь, не очень приятно это слышать. Но я поняла, что для него слово «настоящая» должно быть наполнено каким-то смыслом. И я спросила его: «Ну, хорошо, если я не настоящая, значит, у тебя есть другая, настоящая мама? Кого-нибудь другого ты можешь назвать своей настоящей мамой?» Он подумал, сказал, что нет. Я говорю: «Значит, видимо, я твоя настоящая мама, по-другому как-то не бывает, не бывает же двух. Была твоя кровная мама, которая тебя родила, но так сложилось, что она тебя не воспитывает, тебя воспитываю я. Ну как, ты чувствуешь, что я твоя мама или нет?» Он сказал: «Да, ты моя настоящая мама».

Ещё раз я хочу отметить, что мы, взрослые, в слова ребёнка порой вкладываем совершенно не тот смысл, который на самом деле в этих словах есть. Потому что те слова, которые могут показаться взрослому человеку обидными и больно ранящими, на самом деле, для ребёнка значат совсем другое. Мой второй сын, он на эту тему не разговаривал со мной очень долго. Он, видимо, получил какую-то информацию от старшего брата. А когда ему было лет восемь или девять, его вдруг прорвало. Был огромный по его инициативе всплеск. Он мне стал говорить: «как жалко несчастных детей, которых оставляют в домах ребёнка. Какие ужасные мужчины, обманывают женщин!». Где он всего этого понабрался, я не знаю, но, в общем, вдруг в таком драматическом ключе из него полилось. Я ему сказала: «Да, действительно, человек должен нести ответственность за то, что он делает. Действительно, бывает, что виноваты мужчины, и, действительно, этих детей жалко. И хорошо, что есть люди, которые хотят воспитывать детей, и, у них всё складывается нормально». Потом, через какое-то время, он тоже стал мне говорить: «ты не настоящая моя мама. Вот, ты же мне не мама?» – стал говорить он, явно провоцируя. Я ему ответила: «Хорошо, я твоя не настоящая мама. Значит, я буду обращаться с тобой, как с ненастоящим сыном: я не буду наливать тебе чаю, не буду покупать тебе вкусные вещи, не буду читать тебе книжки, я ж твоя ненастоящая мама». Было видно, что он проверял мою реакцию. Она его устроила. Он посмеялся, сказал: «Нет, нет, нет уж, ты моя настоящая мама». Он успокоился.

Этот разговор был спровоцирован исключительно для того, чтобы доказать самому себе - у него есть настоящая мама, а кроме того, любопытно посмотреть границу - насколько взрослый человек смутится от его слов. Дети разные - характеры разные, но, тем не менее, недоговорённостей быть не должно. Я всегда говорю, что ложь - это «скелет в шкафу». Рано или поздно он выпадет и больно стукнет - и по родителям, и по детям, поэтому лучше, чтобы его не было.

К.: Скажите, а если дети не задают таких вопросов. Как в этом случае поступить родителям?

Алла: Меня тоже дети так не спрашивали об этом. Я же недаром начала с того, что меня ребёнок спросил: «А эта тётя, у неё кто в животе - ребёнок?». Если родитель слушает и слышит своего ребёнка, у него есть возможность найти правильный момент и поговорить. Только не надо говорить: «Я сейчас тебе расскажу, что ты приёмный».

У детей всегда возникают разговоры о том, «кто я», «откуда я взялся», «какое место я занимаю в мире», «какое место я занимаю в семье», ну, элементарно:

– А бабушка, она кто? Она твоя мама?

– Да, она моя мама.

– Значит, она тебя родила?

– Да, она меня родила.

– Так же, как ты меня родила?

– Нет, так случилось, что не я тебя родила.

Я думаю, это знакомо каждому родителю. Исключения составляют лишь те дети, которых просвещают старшие братья и сёстры. У них такого вопроса может не возникнуть. И, тем не менее, найти повод можно всегда. У меня, например, дочка в какой-то момент стала меня спрашивать: «В животе.... там кто? Ребёнок?» при этом разговоре присутствует мой средний сын.

«Как я была у тебя в животике?» – продолжает она с полной уверенностью. На что средний сын мрачным голосом, такой гангстер из американского фильма, говорит: «Дина, у меня для тебя плохая новость – ты не была у мамы в животе». Мы все расхохотались, и я сказала: «Да, Дин, понимаешь, так сложилось, не была». Никакой особо плохой новостью это для ребёнка не стало.

К.: А как рассказать семье, в которой растут кровные и приемные дети? Как родителям отвечать на вопросы приемного ребенка?

Алла: Я думаю, что разговор должен быть примерно таким же: «Да, Катя была в животе у меня, а потом я поняла, что мне очень хочется помочь кому-то. Есть люди, которые по каким-то причинам не могут воспитывать детей». При этом никогда не нужно говорить что-то дурное об этих людях. Потому что ребёнок, он чувствует своё кровное родство с этим человеком. Он может ассоциировать себя с ними и подумать: «Раз мои биологические родители такие дурные люди, то и я такой же дурной человек» или: «Если та мама меня бросила, то и эта мама тоже может меня бросить. Та плохая, и эта тоже может быть предательницей». Надо честно сказать, все как есть.

Мы, взрослые люди, понимаем, что бывают разные жизненные ситуации. Ну, сколько женщин остаётся без куска хлеба, без работы, без возможности воспитывать ребёнка?

К.: нужно ли говорить с ребенком о его биологических родителях?

Алла: Все зависит от желания ребенка. В какой-то момент у моего старшего сына возник вопрос: «А кто я, то есть моя этническая принадлежность? Не знаешь ли ты, кто мои родители?» (У него ярко выраженная внешность, неславянская, я бы сказала) Я сказала: «Извини, не знаю. Мне известно, кто твоя мама. У неё не «южная» внешность. Наверное, тебе внешность досталась от твоего кровного отца, но я не знаю, кто он». «Я бы хотел встретиться с моей кровной мамой, чтобы спросить, кто был мой отец» – сказал мне мой 12-летний ребёнок. «Ты знаешь, я бы с удовольствием тебе в этом помогла, но у меня нет таких данных. Её искали, но не нашли».

К.: А если информации достаточно, чтобы разыскать биологических родителей. Нужно ли это делать?

Алла: Это очень спорный и сложный вопрос и его нужно решать в каждом случае индивидуально. Мне кажется, будь у меня данные, я бы поехала. Я придерживаюсь открытой позиции в общении с ребенком. Конечно, и сердце бы болело, и было бы очень тревожно, и страшно везти ребёнка туда. Вдруг голос крови заговорит, и он обнимет её и скажет: «Ты моя мама». Ну, и, тем не менее, если мы с ребёнком друзья и близкие люди, то мне кажется, пусть он убедится в том, что его не принимают. Если же примут, действительно примут, а не начнут шантажировать, требовать денег или ещё чего-то, то пусть у ребёнка будет два человека, которые его любят. Ничего в этом дурного нет.

К.: Часто говорят, что приемным детям нужно рассказывать тематические сказки.

Алла: А почему бы и нет? Это нормальный, творческий подход. Если родители взаимодействуют с ребёнком в таком творческом, фантазийном варианте, это здорово. Наряду с этим можно мультфильм «Мамонтёнок» показывать. Или «Как волк телёночку был мамой» – тоже замечательная сказка. Мои дети очень любят их смотреть.

Когда я только заводила первого ребёнка, я думала о том, что буду рассказывать ему о его происхождении именно в таком сказочном ключе. Я придумывала сказки, у меня они были заготовлены, но не сложилось. Если у кого-то сложится – замечательно, ничего плохого в этом нет, это нормально.

К.: Сторонники сохранения тайны говорят, что если окружающие люди – соседи, дети в детском саду или в школе – узнают о том, что ребенок усыновленный, то станут его упрекать, обижать. А это точно наносит ребенку вред. Может, стоит хранить тайну, чтобы уберечь ребенка?

Алла: Вы знаете, детский коллектив – это такое «стадо зверёнышей». И всегда найдется повод, чтобы прицепиться к ребёнку: «ты - очкарик», «ты - лицо кавказской национальности», «ты - толстый». Навешать кличек, ярлыков можно всем и всегда. Однако, никому не приходит в голову скрывать, что этот молодой человек - кавказец, или, что эта девушка в очках. Это такая ксенофобия: «ты не из нашей стаи». Ну и что? Каждый человек проходит через это. Если приемного ребёнка зацепили за этот крючок, то дело родителей защитить его. Например, рассказать: «Да, ты воспитывался часть своей жизни в детском доме. Так сложилось, но ты при этом сейчас хорошо учишься в школе. Ты сейчас умеешь делать это, это и вот это. Они в своей жизни ничего не видели, их оберегали, их

воспитывали няньки и мамки, а ты, пройдя такой тяжелый путь, сейчас поднялся на такую высоту. Ты в детстве стал ходить позже, говорить позже, потому что тобой никто не занимался. А сейчас, посмотри, ты не просто догнал, ты в чем-то перегнал их!» Понимаете, как это можно повернуть? Любой ярлык человеку будет неприятен. И что теперь? ходить в парандже? скрывать свою внешность: очки, габариты, национальность? То, что ребенок приемный - это всего лишь один из факторов, отличающих его от других. И надо это принять.

К.: Нередко люди, которые скрывают правду, рассуждают: «Близкие родственники, свекровь, например, будут хуже относиться к приёмному ребёнку, чем к родному. Зачем говорить?»

Алла: Если женщина не может сама расставить границы со свекровью, то свекровь будет мучить и приёмного, и кровного. А если не будет ребёнка, она будет мучить собачку, кошку, птичку и рыбку. Речь идёт не о том, приёмный ли ребёнок, а о том, насколько сама приёмная мама может противостоять внешнему вмешательству. Женщина должна поставить такие границы, чтобы у нее со свекровью были нормальные, ровные, доброжелательные отношения, и приёмный при этом ребёнок или нет, на мой взгляд, не играет роли. Такая свекровь всегда найдёт возможность прицепиться. И к тому, что невестка воспитывает кровного ребёнка не так, и что это из-за её родни у этого ребёнка всё нехорошо, «а вот если бы он пошёл в наш род, всё было бы отлично». Конечно, у свекрови появится лишний повод для того, чтобы ткнуть приёмную маму. Но повод всё равно появится – не приемный ребенок, так какой-то другой.

К.: А есть ли какая-то объективная причина для сохранения тайны?

Алла: Вы знаете, я никогда над этим вопросом не задумывалась. Мне кажется, что, если ребёнку сейчас лет 30, а родителям 60, то тогда уже, наверное, не стоит говорить. Но если без шуток, если речь идёт о родителе и несовершеннолетнем ребёнке, то, мне кажется, сказать нужно. Возвращаясь к вышесказанному, гораздо более сложный вопрос – встреча с кровными родителями. Вот это, по-моему, действительно, неоднозначная проблема. Очень причудливо может сложиться ситуация, может начаться шантаж, вплоть до похищения ребёнка, и тут нужно быть осторожным и смотреть по ситуации.

А что касается самой тайны, то она увеличивает разрыв, создаёт психологическую брешь между ребёнком и родителем. Несомненно, родитель должен быть готов к тому, что в какой-то момент ребёнок к нему подойдёт и скажет: «А я тебя не буду слушаться, потому, что ты не настоящая мама!» Это такая болевая точка. Но точно также он подойдёт и скажет своей настоящей маме: «Я тебя не буду слушаться потому, что мне мой друг сказал что-то другое», «я увидел в кино что-то третье», «потому, что мне не нравится, что ты старая», или, наоборот, слишком молодая, или «носишь каблуки», или «не стрижешься». Предлог всегда найдётся. И никуда не денешься, к этому нужно быть готовым.

К.: К нам в редакцию позвонила женщина, симитировавшая беременность. Она на протяжении нескольких лет рассказывала ребёнку, что он кровный. А сейчас поняла, что делает плохо, вредит ребёнку. Как быть в этой ситуации?

Алла: Тяжёлая история, я с таким сталкиваюсь впервые, мне сложно прямо сейчас сообразить, что с этим сделать. Этот вопрос лучше обсудить индивидуально с профессиональным психологом. Я бы, наверное, заплакала бы при ребёнке и

сказала: «Ты знаешь, вот такая штука, я боялась тебе сказать. Взрослые тоже иногда боятся. Вот и мне было очень страшно тебе рассказать. Я очень хотела ребёнка, а у меня не получалось родить. И был ты. Я почувствовала, что, как будто я тебя родила. И я начала играть в игру». Не знаю, может быть, это и неправильный ход, но я точно знаю, что я пришла бы к ребёнку со своим горем, я так делаю всегда. Бывает, что я накажу ребёнка, и чувствую, что я неправа. У меня это было несколько раз в жизни, я приходила к малышу, обнимала и плакала. Он меня спрашивал: «Что ты плачешь?» Я говорю: «Понимаешь, вот, мне тебя жалко. Я была не права, прости меня, пожалуйста» – пытаюсь объяснить свои чувства. И в данном случае я бы сказала: «Ты знаешь, мне было страшно. Мне было очень обидно, больно, что у меня не получается, и я так придумала ...» И дальше: «Твой папа он же тоже не был у меня в животе, но я его люблю, и тебя я люблю». Я бы начала, наверное, с этого. Причём, тоже не с бухты-барухты, не то, что: «Давай с тобой поговорим!», а нашла бы подходящий момент. Может быть, книжка, может быть кино, может быть что-то, не знаю, котятки родятся, но что-то должно произойти.

К.: Получается, что в любом случае ребенку надо говорить правду?

Алла: Да, я считаю, что в любом случае. Потому, что ребёнок всегда чувствует, что «не так». Он не может объяснить и понять причину этого «не так». Это ещё хуже, потому что он начинает накручивать. Он начинает думать, что мама им почему-то не довольна, что он делает что-то не то. Дети очень часто не понимают, чем не довольны взрослые. Для нас это само собой разумеющееся - ты не сделал этого, поэтому я недоволен. А ребёнок может подумать, что я недоволен, потому что он опять промочил ноги, условно говоря. Потому что когда-то, я отругала его: «Ну что ж ты?! сейчас нам идти в гости, а у тебя мокрые ноги». Он вообще может не предполагать, о чём думал в тот момент взрослый.